

0- 781419

На правах рукописи

Валиев Ренат Рафаилович

**КОЖЕВЕННО-САПОЖНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
ХАНСКОЙ КАЗАНИ**

Специальность 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань – 2010

Работа выполнена в Национальном центре археологических исследований
Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

Научный руководитель: член-корреспондент Академии наук РТ
доктор исторических наук, профессор
Хузин Фаяз Шарипович

Официальные оппоненты: член-корреспондент Академии наук РТ
доктор исторических наук, профессор
Мухамадиев Азгар Гатауллович

кандидат исторических наук
Осипов Дмитрий Олегович
(ГИК МЗ Московский кремль)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Елабужский государственный
педагогический университет»

Защита состоится 26 марта 2010 г. в 12 часов на заседании дис-
сертационного совета Д 022.002.01 при Институте истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420014, г. Казань, Кремль,
подъезд 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории АН
РТ (Кремль, подъезд 5).

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ: <http://www.tataroved.ru>.

Автореферат разослан « » февраля 2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук

Р.Р. Хайрутдинов

Актуальность темы. После окончательного распада Золотой Орды, Казань в середине XV в. становится столицей одного из постзолотоордынских государств, возникших на прежней территории Джучиева Улуса, – Казанского ханства. Образование на Средней Волге нового государства явилось закономерным итогом всего предшествующего социально-экономического и политического развития тюрко-татарской цивилизации, в рамках которой разворачивалась многовековая история многих тюркоязычных народов евразийских степей, в том числе и предков поволжских татар. Казанское ханство, ставшее одним из последних звеньев в длинной цепи средневековых тюркоязычных государств (начиная от державы Хунну и Тюркских каганатов), сыграло исключительно важную роль в исторических судьбах Восточной Европы и ее народов. После образования Казанского ханства его столица переживает расцвет: заметно увеличивается численность населения, расширяется территория города, реконструируются старые и появляются новые укрепления, возникают ремесленные слободы. Казань превращается в крупный торгово-ремесленный город, известный далеко за пределами Восточной Европы.

Научный интерес к истории Казанского ханства и средневековой Казани возник во второй половине XVIII в. За прошедшие два-три столетия накопилась значительная литература по «казаневедению»: научные и научно-популярные труды, путеводители и альбомы, издания справочного характера и т.д. (библиографию см.: Хузин, Ситдиков, 2002). Подавляющее большинство научных исследований посвящено преимущественно тем аспектам истории Казанского ханства и его столицы, которые нашли наиболее полное освещение в письменных источниках. Так, достаточно хорошо изучены внешне-политические связи Казанского ханства, особенно отношения между Казанью и Москвой, т.н. «Казанское взятие», сложные события второй половины XVI в., связанные с освободительной борьбой народов Среднего Поволжья и т.д.; одной из активно обсуждаемых проблем для историков XIX в. был вопрос о времени основания Казани и соотношении ее с «Иски Казанью». В силу отсутствия источников, как письменных, так и археологических, наименее изученной оставалась экономика Казанского ханства, в частности, торгово-ремесленная деятельность жителей столицы. Такое положение в историографии сохраняется практически по сей день.

Благодаря активно проводимым археологическим исследованиям на территории Казанского кремля и в исторической части г. Казани, в последние годы накоплен значительный материал, который позволяет достаточно полно изучать особенности развития черной и цветной металлургии, кузнечного дела, керамического и кожевенного производства, других отраслей городского ремесла.

Актуальность выбранной нами для исследования темы объясняется, в первую очередь, необходимостью определения уровня развития основных производств населения Казанского ханства, к числу которых относится кожевенно-сапожное производство, а также изучения проблем преемственности в области ремесла домонгольских булгар, золотоордынских и казанских татар. В так называемом «ханском» слое Казани собрана уникальная коллекция изделий из кожи, содержащая богатую информацию о бытовой культуре горожан. Развитие данной отрасли ремесла у предков современных татар можно проследить, лишь привлекая материалы из раскопок поселений ханского периода. Казань остается практически единственным памятником, содержащим на некоторых участках т.н. «мокрый» культурный слой, где относительно хорошо сохраняются органические остатки, в том числе и изделия из кожи.

Объект исследования связан с изучением одного из важнейших отраслей ремесла средневековой Казани периода ханства, а именно кожевенно-сапожного дела, определявшего специфику хозяйственной жизни города.

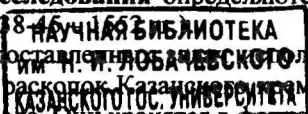
Предмет исследования составляют кожаные изделия из культурного слоя средневековой Казани середины XV – первой половины XVI вв. Для исследования привлечены как редкие целые формы, более многочисленные детали кожаной обуви, одежды (рукавицы, поясные ремни), бытовые изделия (кошельки, сумки, чехлы), предметы, связанные с вооружением (ножны, колчан, саадак), обрезки раскроя и другие остатки производства, а также инструментарий кожевников, словом, всё, что помогает реконструировать процесс изготовления изделий из кожи.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационной работы является определение, на основе изучения новых археологических материалов, уровня развития кожевенно-сапожного дела у населения ханской Казани второй половины XV – первой половины XVI в. В соответствии с указанной целью выдвигаются следующие конкретные задачи исследования:

- показать состояние изученности взятой для исследования проблемы и охарактеризовать источники по теме;
- изучить технику выделки кожи и изготовления изделий из кожи, представить возможную реконструкцию технологии;
- выявить ассортимент продукции мастеров-кожевников и создать типологию кожаных изделий;
- определить место и значение кожевенно-сапожного дела в хозяйственной жизни города.

Хронологические рамки исследования определяются периодом существования Казанского ханства (1438–1552 гг.).

Источники. Для решения поставленных задач использованы в основном археологические материалы из раскопок Казанского кремля и прилегающей к нему посадской территории города. Они хранятся в фондах Института истории им. Ш. Марджани АН РТ и Национального музея РТ. Были просмотрены кол-

лекционные описи всех раскопок предыдущих лет, а также отчеты полевых исследований Н.Ф. Калинина, А.Х. Халикова и других исследователей из архивов Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский кремль», Национального центра археологических исследований ИИ АН РТ и Отдела полевых исследований ИА РАН, а также привлечены материалы Национального Архива РТ.

В качестве сравнительного материала привлекли публикации по средневековым памятникам древнерусских городов. Большое значение для раскрытия темы имеют письменные сведения, содержащиеся в русских летописях, «Казанской истории» неизвестного автора второй половины XVI в., «Записках» А. Курбского и др., а также этнографические и лингвистические материалы, которые активно используются нами в соответствующих разделах настоящей работы.

Уровень разработанности проблемы. Определенное внимание истории Казанского ханства уделяли еще историки XVIII–XIX вв. Среди них отметим труды П.Н. Рычкова (1767), К. Фукса (1991), М. Рыбушкина (1843), Н. Баженова (1847), С.М. Шпилевского (1877), П. Заринского (1877), Н.П. Загоскина (1895), М.Н. Пинегина (1890), Н.А. Спасского (1912) и других авторов. Огромное значение для всей последующей историографии Казанского ханства имели «Очерки по истории Казанского ханства» М.Г. Худякова, увидевшие свет в 1923 г. Однако в вышеперечисленных трудах основное внимание авторы уделяли освещению внутри- и внешнеполитической истории государства, в некоторых случаях – социальной структуры, общественно-политических и экономических отношений, еще реже – культуры и искусства средневековых татар. Неизменным сюжетом исторических сочинений оставались проблемы возникновения столицы ханства и «Казанское взятие» 1552 г. Все эти вопросы изучались преимущественно на основании письменных источников, в первую очередь, русских летописей, «Казанской истории» неизвестного автора второй половины XVI в., «Записок» австрийского посла Сигизмунда Герберштейна и князя Андрея Курбского.

Советский период историографии Казанского ханства характеризуется заметным упадком интереса к его истории, что, безусловно, явилось отражением известной политики ВКП(б)–КПСС в области исторических наук, практически наложившей запрет на изучение истории Золотой Орды и ее «осколков» в виде постзолотоордынских татарских государств. Тем не менее, обобщенная история Казанского ханства нашла отражение в ряде изданий «Истории Татарской АССР» (1950; 1955; 1968; 1973; 1980). Следует отметить монографический труд А.Г. Мухамадиева о булгаро-татарской монетной системе XII–XV вв. (1983), а также фундаментальные труды Ф.Х. Валеева, Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой и С.М. Червонной об искусстве татарского народа и его предков, в которых затрагивались важные сюжеты по искусству (в том числе и по кожаной мозаике) и архитектуре Казанского ханства (Валеев, 1967; 1969; 1984; Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987; Червонная, 1987 и др.).

Современный этап историографии Казанского ханства, начавшийся в конце 1980-х – начале 1990-х годов, отмечен резким повышением интереса к истории и археологии средневековых татар. Традиционную тему о предпосылках, процессе присоединения народов Среднего Поволжья к Русскому государству, о последствиях «Казанского взятия», но уже с совершенно других методологических позиций, продолжают разрабатывать С.Х. Алишев (1995) и А.Г. Бахтин (1998). Выходят в свет оригинальные труды Д.М. Исакова, И.Л. Измайлова, Б.Л. Хамидуллина, посвященные дискуссионным проблемам образования Казанского ханства, этническому составу, социальной структуре, духовной культуре населения и т.д. (Исаков, 1982 и др.; Измайлов, 1995 и др.; Хамидуллин, 1998 и др.).

Археологические раскопки памятников интересующей нас эпохи практически не проводились до 1950-х годов, за исключением небольших разведочных работ И.Н. Бороздина и Н.Ф. Калинина в Казанском кремле. Раскопки Н.Ф. Калинина в северо-западной части Кремля, состоявшиеся в 1953–1954 гг., дали интересный материал по ханскому периоду памятника, в том числе и находки, связанные с коженно-сапожным делом (Калинин, 1955).

О необходимости и актуальности планомерного археологического изучения Казанского ханства впервые заговорил Р.Г. Фахрутдинов (1973), который обобщил все сведения по данному вопросу в известном Своде булгаро-татарских археологических памятников (1975).

В 1970-х годах в Казанском кремле работала археологическая экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР и КГУ под руководством А.Х. Халикова. Были исследованы десятки объектов, в том числе и из слоев периода ханства, давших первоклассный материал в виде изделий гончарного, кузнечного, ювелирного, косторезного, коженно-сапожного производств, однако все эти материалы остались практически не опубликованными, за исключением находок из древнейших слоев (Халиков, 1985; Шавахин, 1976).

Новым явлением в современной историографии Казанского ханства является ввод в научный оборот археологических материалов, существенно дополняющих источниковую базу исследований. Это связано с проводимыми на территории Казанского кремля и в исторической части города широко-масштабными раскопками археологической экспедиции Института истории АН РТ и Казанского государственного университета под руководством Ф.Ш. Хузина. Часть материалов из раскопок опубликована, но опять же преимущественно те находки, которые происходят из древнейшего, домонгольского слоя. Из числа вышеперечисленных работ выделяется монография А.Г. Ситдикова (2006). Им введено в научный оборот значительное количество находок из слоя Казанского ханства, в том числе и по интересующей нас теме. Отметим также интересные статьи Н.Г. Набиуллина о материалах XIII раскопа в восточной части Кремля, среди которых имеется хорошо сохранившийся кожаный колчан первой половины XVI в. (Набиуллин, 2002–2003). Важные сведения для изучения нашей темы содержит обстоятельная статья А.Г. Сит-

дикова и Ф.Ш. Хузина, опубликованная на страницах журнала «Российская археология» (2009. С. 99–111).

Краткий историографический обзор изучения Казани и Казанского ханства показывает, что, несмотря на большое внимание к ее истории, отдельные отрасли экономической жизни и видов производства остаются малоизученными. Одним из ведущих отраслей экономики Казанского ханства являлось кожевенно-сапожное производство, которое особенно характерно для бывших кочевых народов. Однако специальных исследований по кожевенно-сапожному делу в Казанском ханстве, как и в более ранние периоды болгаро-татарской истории, практически не существует. Лишь в начале 1950-х годов, на основании первых археологических находок кожаной обуви и кожевенно-пошивочных мастерских при раскопках в Болгарском городище, в трудах А.П. Смирнова (Смирнов, 1951. С. 129–130) и О.С. Хованской (Хованская, 1951. С. 123–126) появились разделы, обращенные к теме кожевенного дела болгар.

В 1988 г., анализируя дополненные коллекции археологической кожи Болгара и районы со следами самого производства, Т.А. Хлебникова в одном из выпусков «Города Болгара» опубликовала работу «Кожевенное дело», где сообщается об узкой специализации в пошиве обуви и о высоком развитии кожевенного производства, как в обработке кожи, так и в пошиве изделий в XI – второй половине XIV вв. (Хлебникова, 1988. С. 244–253).

Наиболее полно и всесторонне кожевенно-сапожное ремесло исследовано по материалам средневековых русских городов. В работах С.А. Изюмовой, Е.И. Оятевой, М.Ю. Полонской, А.В. Курбатова, Д.О. Осипова, Т.С. Матехиной содержатся интересный материал и методические разработки, которые широко использовались нами в процессе изучения археологической кожи Казани.

Методика исследования характеризуется как синтез источников, основными из которых являются археологические. При датировании материалов учитывалась достаточно хорошо разработанная стратиграфическая шкала памятника. Применялись также статистический, сравнительно-типологический, ретроспективный методы, а также методы аналогий (в основном с древнерусскими материалами) и исторической реконструкции, широко используемые в археологии при анализе и интерпретации вещественных памятников.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые в историографии Казанского ханства предпринята попытка системного исследования одного из основных ремесленных производств населения ханской Казани – кожевенно-сапожного дела. Материалом для исследования послужили новые археологические находки из «ханского» слоя, добытые в процессе масштабных раскопок на территории Кремля за 1994–2004 гг., и материалы, полученные в результате охранно-спасательных работ в исторической части города в 1988 г.

Привлечены также доступные материалы из раскопок предшествующих лет, не введенные в научный оборот.

Научные результаты, выносимые на защиту. Установлено, что кожевенно-сапожное производство, продолжающее в технологии древние ремесленные традиции Волжской Булгарии и Золотой Орды, составляло одну из важнейших отраслей экономики Казанского ханства. Судя по письменным, археологическим и иным источникам, продукция казанских мастеров, в том числе высокосортная кожа «булгари», вывозилась далеко за пределы страны, а технология выделки кожи и изготовления обуви заимствованы у них соседями. Новый археологический материал из раскопок средневековой Казани последних лет позволил установить широкий ассортимент изделий кожевников, включающий обувь, одежду (рукавицы, поясные ремни), бытовые изделия (сумки, кошельки, чехлы), сопутствующие предметы вооружения (копчан, саадак) и пр.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования ее результатов для написания обобщающих работ по истории и археологии Казани и Казанского ханства, соответствующих разделов IV тома многотомной «Истории татар», а также учебников и учебных пособий для студентов исторических факультетов вузов. Материалы диссертации могут быть использованы также в экспозициях Национального музея РТ, Музея археологии Татарстана при Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Казанский кремль», при организации выставок и т.д.

Научная апробация отдельных положений работы проведена на республиканских и итоговых научных конференциях Института истории АН РТ за 2003–2008 гг. По теме диссертации автором опубликовано 5 статей (общий объем более 4 п.л.) в общероссийских и региональных научных изданиях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. В приложение вынесен иллюстративный материал.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обоснована актуальность проблемы, определены цели и задачи, объект и предмет исследования, приведена краткая историография средневековой Казани, с целью показать состояние изученности исследуемой темы.

Глава I «Обзор источников и методика фиксации археологический кожи из раскопок» посвящена истории накопления археологической кожи из III слоя раскопок Казанского кремля и прилегающей посадской территории города, а также особенностям методики ее фиксации.

Впервые единичные находки археологической кожи ханского времени, представленные фрагментами кожаной обуви, были встречены в 1947 г. во время наблюдений Н.Ф. Калинина в юго-восточной части Кремля (Калинин, 1953, л. 7). Значительное количество находок дали раскопки того же исследователя в северо-западной части памятника, проведенные в 1953–1954 гг. (Калинин, 1955. С. 135–136). Здесь, на спуске к Тайницкой башне, было заложено два раскопа (176 кв. м). Всего было получено свыше сотни различных частей кожаной обуви, определенные как «головки ичег и сандалий, задники, союзки, части голенищ и подошв, каблуки, фигурные нашивки и др.» По мнению Н.Ф. Калинина «они связаны с сапожной мастерской крупного размера» (Калинин, 1955. С. 135–136). Как справедливо отмечал исследователь, «впервые в археологических работах открыта в достаточной степени эта отрасль ремесленного производства казанских татар, до сих пор известная лишь по историческим сведениям» (Калинин, 1953. л. 84).

Дальнейшее формирование коллекции кожаных изделий из раскопок ханской Казани связано с археологической экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР и КГУ, которая в 1970-х годах под руководством А.Х. Халикова в Казанском кремле и на прилегающей к нему территории исследовала десятки объектов в виде жилых и хозяйственных построек, в том числе и из слоев XV–XVI вв. (Халиков, 1985; Шавохин, 1976).

В 1971 и 1972 гг. Л.С. Шавохиным были заложены раскопы в районе Воскресенской башни (Шавохин, 1972, л. 9; 1973, л. 66–67). В слоях ханского времени были вскрыты деревянные конструкции с большим количеством щепы и навоза, где наряду с редкими костями животных и фрагментов керамики встречались «многочисленные остатки кожаной обуви в виде подошв, каблуков, головок сапог, голенищ и часто обрезков кожи» (Шавохин, 1973. л. 74).

В 1974–1978 гг. в Казанском кремле экспедиция под руководством А.Х. Халикова заложила 20 раскопов общей площадью 1600 кв. м. Основные усилия были направлены на изучение остатков архитектурных сооружений и других объектов булгаро-татарского времени, на исследование более ранних домонгольских слоев Казани в целях разработки стратиграфической шкалы культурного слоя Кремля. Среди многочисленных артефактов, обнаруженных в процессе раскопок, встречались и предметы кожевенно-сапожного производства, в том числе находки археологической кожи. К сожалению, в коллекцию были отобраны наиболее показательные образцы изделий.

В 1988 г. экспедиция работала за пределами Кремля, в посадской части города. На пересечении улиц Баумана и 1 Мая (совр. Кремлевский спуск), на месте предполагаемого строительства станции метро «Кремлевская», А.Х. Халиковым было заложено три раскопа общей площадью 172 кв. м. Слой середины XV – первой половины XVI вв. раскопа I представлял собой «коричневато-серую супесь с общей мощностью 40–50 см с прослоями строительной щепы, песка, уплотненного навоза, кожи, бересты и т.п.» (Ха-

ликов, 1989, л. 10). Здесь были выявлены два ряда частокола, интерпретированные А.Х. Халиковым как остатки конструкции деревянной посадской стены. Постройки № 4, 5, сгоревшие при пожаре 1552 г., располагались в напольной стороне «укреплений» и содержали большое количество археологической кожи (более тысячи фрагментов). Эти сооружения и были определены исследователем как коженные мастерские (Халиков, 1989б. С. 116–118). В культурном слое других раскопок также встречались единичные фрагменты плохо сохранившейся кожи.

В настоящее время большая часть находок (695 единиц), а также полевая документация и фотоматериалы хранятся в фондах Археологического музея Института истории АН РТ. Находки представлены обрезками раскоя, разрозненными деталями и целыми формами обуви и довольно полно показывают ассортимент товара, фасоны обуви и приемы их изготовления.

Самое значительное пополнение коллекции археологической кожи из напластований интересующего нас времени относится к 1994–2004 гг., когда на территории Кремля и в прилегающей к нему исторической части города широкомасштабные исследования проводила объединенная экспедиция «Казанский кремль» Института истории АН РТ и Казанского государственного университета под руководством Ф.Ш. Хузина. За одиннадцать лет работы экспедиции (1994–2004 гг.) на территории Кремля и посада Казани было заложено около 70 раскопов общей площадью более 10 тыс. кв. м и проведены многочисленные наблюдения за земляными работами, в результате чего получен богатый материал по средневековой истории Казани.

Уникальные находки, связанные с коженно-сапожным производством, происходят из «ханского» слоя раскопа XIII (площадь 500 кв. м), расположенного за пределами древних укреплений Кремля в нижней части посада на левом берегу р. Казанки. Отложения ханского периода достигали здесь толщины 120 см вне сооружений и залегали под прослойкой пожарища 1552 г. В раскопе выявлены два относительно хорошей сохранности сооружения – срубы, интерпретированные их исследователями как жилища-мастерские кожевников. Расположенные по обе стороны улицы с деревянной мостовой, эти сооружения были заполнены темно-коричневым гумусом, сильно увлажненным, обильно насыщенным древесной щепой, соломой (камышом?), полусгнившей берестой, скорлупой лесных орехов и желуды, а также обрывками кожи (более 10 тыс. ед.). В процессе расчистки объектов обнаружены детали кожаной обуви – подошвы, голенища, каблуки со следами швов, орудия производства и т.д. (Хузин, Шарифуллин, 1999, лл. 16–17; Набиуллин, 2004. С. 35).

Коллекцию археологической кожи из Кремля дополнили также другие раскопы (особенно р. III, IV, VI, XII, XX, XXXVI, LI, LXII), в которых, кроме обрывков кожи, встречались орудия труда и инструментарий сапожника: железные ножи для раскоя, иглы, молоточки, гвоздики, каменные точила.

В результате проведенных в 1953–2004 гг. археологических исследований на территории Казанского кремля и в исторической части города в «ханском» слое обнаружено, по нашим подсчетам, более 15 тысяч предметов из кожи, из которых отобраны в коллекцию всего 3639 единиц.

В силу своей специфичности археологическая кожа требует особого подхода и нестандартных приемов обработки, фиксации и хранения. Из-за отсутствия единых стандартов обработки и фиксации материала, соответствующей литературы и опыта, археологи каждый раз по-разному пытались решить данную проблему. Так, при раскопках в Москве руководитель исследований М.Г. Рабинович для обработки находок и получения наиболее полной информации привлек на работу группу обувщиков-технологов. Специалисты установили приемы раскроя и сборки обуви, а также провели физико-химические анализы образцов кожи (Шестакова и др., 1951). Для материалов археологической кожи Н.Ф. Калинина, полученных из раскопок Казанского кремля в 1954 г., проводили химический анализ, установивший применение в качестве дубителя натуральных материалов и показавший высокий процент хорошего полного продуба (Калинин, 1955. С. 135). О.С. Хованская при исследовании кожаных изделий из раскопок Болгарского городища в целях наиболее полного изучения материала привлекла данные химико-физиологических анализов, что способствовало более полной реконструкции технологии выделки кожи в Болгаре XIII–XIV вв. (Хованская, 1951. С. 124). В конце 1990-х годов реставраторы привлекались при обработке и консервации кожаных изделий из раскопок Казанского кремля. Однако были отобраны только некоторые наиболее интересные и «яркие» образцы, так как музейные фонды не заинтересованы в хранении массовых «не выставляемых» находок.

При раскопках древнерусских городов археологи самостоятельно освоили методику изучения кожевенно-сапожного ремесла, способы полевой и камеральной обработки материала (Изюмова, 1959; Курбатов, 1991, 1994, 1996, 2004; Кузовкина, 1993; Осипов, 2006; Оятева, 1962, 1973, 1974; Полонская, 1991). С.А. Изюмова одной из первых среди отечественных исследователей на основе анализа материалов Новгорода разработала типологию средневековой русской обуви и ее хронологическую классификацию. «Мокрый» культурный слой Новгорода, сохраняющий в себе кожаные предметы и широкомасштабные раскопки послужили отличной источниковой базой. Учитывая и развивая наработки С.А. Изюмовой и достижения европейских специалистов, Е.И. Оятева создала технологическую классификацию, основанную на анализе кроя и пошива заготовок. Данная классификация оказалась приемлемой практически для всего археологического материала из кожи.

В последние годы появились обобщающие монографические труды ведущих российских исследователей А.В. Курбатова и Д.О. Осипова, посвященных полевой и камеральной обработке, классификации, методике опи-

сания и типологии материалов кожевенно-сапожного производства (Курбатов, 1991б, 2004; Осипов, 2006; Осипов, Лихтер, 2004). В них подробно описывается весь алгоритм фиксации кожевенного материала, начиная с методики ведения раскопа и извлечения находок из культурного слоя до описания и хранения кожаных изделий.

При исследовании археологической кожи из раскопок средневековой Казани мы опирались на методические разработки отечественных специалистов с учетом специфики своих материалов. Некоторый опыт фиксации, обработки и сохранения находок, накопленный нами и описываемый в заключительной части данной главы, учитывает рекомендации ведущих российских и зарубежных ученых.

Глава II «Выделка кожи и реконструкция технологии» посвящена исследованию состава сырья, используемого в кожевенном производстве средневековой Казани. Становление и развитие любого вида ремесла неразрывно связано с наличием *сырья*, местного или импортного. Сырьем для кожевников Казани служили шкуры лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Более мягкая и эластичная юфтевая кожа изготавливалась из шкур молодых особей крупного рогатого скота (Хлебникова, 1988. С. 244–245). Результаты визуального осмотра образцов кожи, в основном различных деталей обуви, из «ханского» слоя Казани показали, что больше всего в наших коллекциях изделий, изготовленных из шкур крупного рогатого скота (46,5%), меньше из шкур мелкого рогатого скота (5,7%) и еще меньше из шкур лошади (1,3%).

Шкуры животных отбирали на выделку меха и кожи. Овчина в основном шла на изготовление зимней одежды – головных уборов, шуб, тулупов и т.д. Мех, особенно овчину, обрабатывали двумя способами: дублением и только квашением. По сообщению советского этнографа Д.К. Зеленина, «у русских дубление распространилось лишь в XIX в., причем оно шло по европейской части России с востока на запад» (Зеленин, 1991. С. 217–218). Данный прием обработки овчин был характерен для казанских мастеров XV – первой половины XVI вв. «Казанский летописец» по случаю погрома русских купцов в Казани в 1505 г., эмоционально пишет: «... и оттоле не ходити имъ во овъчяхъ кожахъ ошившся» (ПСРЛ. Т. XIX. 1903. С. 25). Технология выделки шубных и меховых овчин подробно рассматриваются в специальной литературе (Симонов, Пучкова, Григорьев, Решетов, 1983).

Кроме домашних животных в пошиве одежды использовали шкуры диких зверей, как об этом свидетельствуют «Записки» Андрея Курбского: «... бо тамо родятся куны дорогие, и белки и протчие зверне ко одеждам и ко ядению потребны» (Древняя Казань, 1996. С. 262).

Процесс выделки кожи в средневековой Казани можно реконструировать по кустарному кожевенному производству в России XVII–XVIII вв. – основные, наиболее традиционные приемы выделки кожи представляется возможным экстраполировать на более ранние времена.

Для выделки кожи со шкуры удаляли волосяной покров, а оставшийся средний слой – дерму обрабатывали с помощью различных операций. Алгоритм производства кожи выглядел следующим образом: замачивание (промывка и отмачивание шкуры), мздрение (очистка от рыхлой подкожной клетчатки, остатков мяса и жира), золение (сгонка волоса с верхним роговым слоем), обработка киселем для выведения остатков золы и извести, квашение для размягчения кожи, дубление, выравнивание, крашение и жирование. Такая последовательность является общей для всего кожевенного производства; различия у разных народов существовали лишь в приспособлениях, способах и приемах применения этих операций как результат эволюции ремесла (Валиев, 2009а. С. 112–113).

Сгонка волоса чаще всего осуществлялась способом золения. Перед золением в целях лучшего и быстрого проникновения щелочей в дерму шкуру опаривали солью (Федоров, 1910. С. 7). Этот прием был известен кожевникам Казани середины XV – первой половины XVI вв. Рассол, в котором солят шкуры, в русском языке называется *тузлук* (от тат. *тоз* – соль, *-лык* – суффикс, т.е. буквально, «рассол» или «соленая местность»). Что касается золки с известью и шадриком (перекаленной золой), то она в XIX в. была распространена в Казанской и соседней с ней губерниях. Шадрик занесен с востока татарами между XIV и XVII вв. (Поварнин, 1912. С. 32, 150). О.С. Хованская сообщает, что сгонка волоса со шкуры у булгарских ремесленников производилась обработкой хлебным тестом (Хованская, 1951. С. 124). Применение такого способа, придававшего коже эластичность и прочность, традиционно продолжалось и позднее, в период Казанского ханства. Хлебное тесто при обработке кожи применялся в России до XIX в (Даниловский, 1894. С. 12). Для выведения остатков золы и извести и мягчения кожи русские кожевники использовали хлебные кисели или квасы. Г.Г. Поварнин полагает, что такой прием возник на Руси в XIII в., куда был занесен с Востока волжскими булгарами (Поварнин, 1912. С. 146, 245).

Кроме хлебных киселей в кожевенном производстве России до XIX в., для выведения из кожи остатков золы и извести, применялся и другой способ – шакшевание (Даниловский, 1894. С. 15). Для приготовления шакши, помет (собачий или куриный) разводили в воде, затем заливали в емкости, куда предварительно помещали кожу. По мнению Г.Г. Поварнина, «шакша связана, по-видимому, с сафьяном» и на Русь попала по Волжскому пути. Свидетельством тому может являться этимология данного слова: *шакшы* в переводе с татарского языка дословно означает «грязный, вонючий».

Следующим приемом обработки кожи является квашение (заличка), которое должно подготовить кожу к дублению; при заличке кожа размягчается, вследствие чего волокна дермы быстрее и равномерно пропитываются дубильными веществами. Заличка состояла из старых дубильных соков с добавлением хлеба и корья. По данным Г.Г. Поварнина, заличка или квашение

также оказывается булгаро-татарским заимствованием в русском кожевенном производстве (Поварнин, 1912. С. 147).

Для дубления кожевенниками Казани в XV – первой половине XVI вв. использовалось дубовое и ивовое корье, что подтверждается их присутствием в большом количестве в слое функционирования кожевенной мастерской, выявленной на раскопе XIII. Этим данным не противоречат и результаты химического анализа, проведенные по материалам археологической кожи «ханского» слоя из раскопок Н.Ф. Калинина 1953 г.: «кожа прекрасно продублена растительным дублением (вероятно, корьем), имеет коэффициент продуба 34,6%» (Калинин, 1955. С. 135). Физико-химическими анализами установлено применение в качестве дубителя ивового корья у волжских булгар уже в XI–XIII вв. (Хованская, 1951. С. 124).

Использование коры дуба и ивы в качестве дубильного материала в выделке кожи в ханской Казани является продолжением прежней традиции, однако, в XV – первой половине XVI вв. могли использовать кору других пород деревьев, в частности, хвойных, и корни растений, напр., кермека, бадана и др., до XIX в. применявшихся в кожевенном деле Казани.

В последней стадии выделки кожу жируют, т.е. натирают или намазывают жиром, повышая тем самым пластические свойства кожи, ее мягкость и эластичность, прочность и водостойкость (Аронина, 1986. С. 56).

Булгарские кожевенники готовые кожи жировали яичным белком, что установлено химическими анализами (Хованская, 1951. С. 124). Казанские мастера, кроме того, использовали животные жиры.

По мнению некоторых отечественных исследователей, крашение применялось русскими ремесленниками уже с XI в. (Изюмова, 1959. С. 194–195; Осипов, 2006. С. 63–64 и др.). Есть сторонники другой точки зрения, которые считают, что разноцветная кожа стала выделяться лишь в XVI в. (Курбатов, 2004. С. 12–15). А.В. Курбатов вслед за Г.Г. Поварниным полагает, что окрашенная обувь была достоянием лишь высшего сословия и являлась импортным товаром, привозившимся с Востока (Курбатов, 2004. С. 12; Поварнин, 1912. С. 83).

Волжские булгары окрашивали свою кожу «булгари» в красный цвет, «вероятно красным сандалом по квасцовой (или оловянной?) протраве». В XIV в., этот способ крашения распространился кое-где и на Руси. Кроме того, известно, что волжские булгары славились выделкой сафьяна зеленого цвета. Для получения светло-зеленой окраски, медный купорос смешивали с корнем барбариса, а темно-зеленый цвет достигался смешиванием медного купороса с галлами чернильных орешков (Поварнин, 1912. С. 75, 79).

При окрашивании кожевенники ханской Казани, вероятно, использовали материал (кору, побеги, корни, листья и т.п.) местных растений. Так, настой из почек осины при окрашивании придавал коже желтый цвет, кора ивы окрашивал в желтый или розоватый цвет. Из настоя коры и листьев ольхи готовили желтого, красного, черного или темно-коричневого цвета краски, при

добавлении к ним квасцово-железной протравы получали серо-желтый цвет. Ими красили не только кожу, но также меха и ткани. Желтый цвет также получали из настоя листьев и бересты березы, собранной весной, в период движения сока по стволу (Королук, 2003. С. 108). Вероятно, красящими свойствами обладают и местные породы ореховых, и, видимо, не случайно скопления лесных орехов в большом количестве встречались в слоях периода функционирования кожевенно-сапожных мастерских, выявленных на раскопе XIII в Казанском кремле (Хузин, 1998. л. 17). Учитывая тесные торговые отношения Казани с среднеазиатскими государствами в XV – первой половине XVI вв. и знаменитую Казанскую ярмарку, куда привозилось огромное количество разнообразного товара, можно предположить использование в кожевенном деле Казани импортных красок.

Что касается сырья кожевенного производства, получаемого при обработке кож, то кожевники Казани выделяли юфть, сафьян, «булгари» и, возможно, другие сорта кожи (бахтарма, башка), наименование которых пока трудно объяснимы или не понятны.

Производство высокосортной кожи из шкур молодых особей крупного рогатого скота и конины (юфть) и козьей шкуры (сафьян), обладающей мягкостью, пластичностью и водостойкостью, булгары начали еще в X в. (Хвольсон, 1869. С. 181). В татарском народном эпосе «Идегей», повествующем о событиях позднего периода Золотой Орды, говорится, что во время похода русских князей на Булгарский улус, они у местного эмира требовали сафьян («отбирал он кожу, сафьян») (Идегей, 2006. С. 347).

«Булгари» – цветная высококачественная кожа с приятным запахом» (Саттарова, 2004. С. 16) является, по всей вероятности, собственным изобретением булгар. Данный термин распространен во многих языках народов европейских стран, в Средней Азии, Сибири, в языках стран Ближнего и Дальнего Востока (Рахимова, 1986. С. 65; Мукминова, 1999. С. 155–160).

Кожевниками Казани XV – первой половины XVI вв. выделялись и другие сорта кожи: «башка», «бахтарма», «колончак», «хаз», «яловка» и пр. (Поварнин, 1912. С. 247), краткая технология изготовления которых изложена в данной главе. Многие из этих терминов, как и сами товары восточного кожевенного производства, попали к русским в XIII – начале XVI вв. по Волжскому торговому пути, в частности, через волжских булгар и казанских татар (Зеленин, 1991. С. 221; Курбатов, 2004. С. 14–15; Поварнин, 1912. С. 235).

Обязательным атрибутом кожевенного производства является *инструментарий*, использовавшийся при обработке шкур и выделки кожи: скребки, струги для удаления мездры и сгонки волос, якая (тат. *юка*) для накатывания и разглаживания кожи, сапожные ножи с массивным, широким и коротким лезвием с плавным закругленным острым концом клинка, шилья для прокалывания дыр, иглы, деревянные колодки, как правило, из липового или березового дерева. Они обнаружены в культурном слое булгарских

памятников домонгольского и золотоордынского времени, а также в раскопах Казанского кремля.

Наличие огромного количества кожаных отходов производства в виде обрезков раскроя, деталей и целых форм обуви, принадлежностей предметов вооружения и пр., а также орудий труда в «ханском» слое раскопа XIII в северо-восточной части Казанского кремля, позволило исследователям определить существование на этом конкретном участке кожевенно-сапожного мастерских. Следы кожевенно-сапожного производства посада Казани ханского периода были обнаружены А.Х. Халиковым еще в 1988 г. Наиболее вероятно, что здесь рядом располагались как мастерские по выделке кожи, так и мастерские по изготовлению кожаной продукции. Одновременно нельзя исключать совмещение кожевенного и сапожного ремесел в одних мастерских. По мнению С.А. Изюмовой и Б.А. Колчина, разделение на кожевников и сапожников в Новгороде произошло уже в XII–XIII вв. (Изюмова, 1959. С. 195; Колчин, 1985. С. 269). Данная точка зрения подтверждается новыми находками (Осипов, 2006. С. 61).

Глава III. Типология и характеристика изделий кожевенно-сапожного производства ханской Казани. Кожаные изделия, выявленные в культурном слое Кремля и исторической части города, по функциональному назначению подразделяются на следующие группы: 1) обувь (целые формы и детали), 2) одежда (рукавицы, ремни, фрагменты костюма), 3) бытовые изделия (кошельки, сумки, вместилища, чехлы), 4) сопутствующие предметы вооружения (чехлы ножей, ножны, колчан, саадак), 5) другие изделия (завязки, обшивки края, конское снаряжение, неопределенные детали), 6) обрезки раскроя и отходы производства. Отдельно выделяются предметы, которые являются составными частями некоторых вышеперечисленных изделий, однако изготовлены из других материалов (металл, войлок и т.д.), например, подковки, гвоздики, накладки, стельки. Они не являются обязательными атрибутами кожевенно-сапожного производства, однако часто использовались и дополняли кожаную продукцию.

Среди кожаных изделий наиболее многочисленными являются *детали обуви и фрагменты от них*, к которым относятся головки и поднаряды к ним, голенища и штаферки, подошвы и флики от каблуков, задники с карманами, вставками и нашивками, стельки и т.д. На основе обработанного материала происходящих из III слоя раскопов 1976–2004 гг., можно проследить соотношение различных деталей обуви, а также других предметов: головка – 396, поднаряд – 188, голенище – 292, штаферка – 22, подошва – 291, каблук и флики от каблука – 236, стелька – 17, задник – 230, карман задника – 155, вставка в карман задника – 127, нашивка на задник – 30, обрезки от раскроя – 914, фрагменты изделий вторичного использования (отходы производства) – 362, фрагментарные, неопределенные изделия – 229, прочие изделия – 150.

Из обувных деталей в качестве определяющих рассмотрены в основном головки и голенища, некоторые формы подошв. Само наличие голенища

определяет принадлежность его к высоким (сапоги-итек, ичетыги или чоботы), а также к специализированным (бахилы) видам обуви. Пропорциональность длины головки к его ширине свидетельствует о принадлежности головки к высокой обуви, тогда как общая длина головки и ее ширина, многократно превышающая длину оси головки, говорит о головках обуви низких форм.

Целые формы сложносоставной обуви в «ханском» слое Казани встречаются, но довольно редко. Всего в отложениях периода ханства из раскопов Казанского кремля и территории посада обнаружено 9 экземпляров практически целых форм обуви или же с некоторыми недостающими деталями. Однако они представляют весьма разнообразные типы и формы ассортимента казанской обуви. Малочисленность или отсутствие целых форм обуви, сшитой из нескольких деталей, объясняется плохой сохранностью льняных нитей. Отсутствие же одночастной или цельнокроеной обуви можно объяснить тем, что казанские мастера не изготавливали такой вид обуви в силу того, что среди населения Казанского ханства бытовала и пользовалась популярностью другие виды низкой и высокой обуви, которая шилась из отдельных деталей. Надо отметить, что одночастная обувь не встречается и в слоях домонгольского и золотоордынского периода булгаро-татарских памятников (Хлебникова, 1988. С. 245; Хованская, 1959. С. 123–124; Хузин, 1985а. С. 69).

Н.И. Костомаров среди различных видов обуви, существовавших у населения Российского государства в XVI–XVII вв., отмечает обувь людей с достатком – сапоги, чоботы, башмаки и ичетыги, которые делались из коровьяго опойка, из конской кожи, из юфти, а у наиболее богатых – из персидскаго и турецкаго сафьяна. Говоря о происхождении «ичетыг» он сообщает, что «ичетыги или ичеготы, иначе ноговицы» это есть обувь, название которого заимствовано от татарских ичигов (Костомаров, 1860. С. 62–63). Судя по этимологии, не только эти и, но и другие виды обуви (башмак, чувяк, чеботы, бахилы и др.) также имеют тюрко-татарское происхождение и были заимствованы русскими как более удобная популярная продукция. Объяснение и толкование названий некоторых видов обуви можно найти в трудах отечественных и зарубежных филологов.

При визуальном анализе остатков кожаной обуви по технологическим особенностям, декорированию и прочим признакам, удалось выявить фасоны, характерные для нескольких видов высокой и низкой обуви. Казанские мастера изготавливали обычную бытовую обувь высокой и низкой формы и специализированную рабочую обувь. Практически все определяемые обувные детали – 1982 экз. (99,9%) относятся к обычной обуви и всего 2 голенища (0,1%) отображают специализированную обувь. В классификации обуви ханской Казани выделяется пять видов: 1) итек – сапоги «жесткой конструкции»; 2) ичиги, ичетыги (читек) – мягкие сапоги; 3) чоботы – полусапожки; 4) башмаки – мягкие и жесткие туфли, сандалии или галоши; 5) бахилы – специальные рабочие сапоги. Возможно, существовали и другие виды обуви, которые пока археологически не зафиксированы или определение которых

невозможно или затруднительно. К обычной высокой обуви относятся первые три вида определяемой обуви, к низкой – четвертый вид, к специальной – пятый. Соотношение 10 целых или восстанавливаемых форм обуви выглядит следующим образом: итек – 3, ичетыги – 2, башмаки – 4, бахилы – 1 экз. (таблица 13).

Одним из распространенных видов обуви в Казани в ханский период, как и в более раннее время, были *итек* – сапоги «жесткой конструкции»; подавляющее большинство определяемых обувных деталей относятся именно к сапогам (Валиев, 2009а. С. 115). Такое доминирование сапог «жесткой конструкции» объясняется тем, что они являлись как парадной, так и повседневной обувью, были всесезонные, т.е. являлись универсальной обувью. Широкое использование сапог в качестве повседневной обуви у болгар известно уже с X в. (ПСРЛ. Т. I. 1846. С. 36). На рубеже XIII–XIV вв. сапоги «жесткой конструкции» с заостренным носком и кососрезанным голенищем, заимствованные у татар, распространяются и у населения русских городов (Курбатов, 2004. С. 42; Осипов, 2006. С. 45).

Казанские сапоги представляли собой обувь с высоким голенищем без разрезов, наглухо закрывающим стопу и голень. Они собирались из основных деталей – подошвы, головки, голенища, задника, и дополнительных деталей – внутреннего каблука, стельки, поднаряда, штаферки, нашивок, кармана, вставок в карман (прокладок). Элементами декора на поверхности головок можно считать тиснение, линование и надрезы, которые наносились перпендикулярно оси стопы. Данные приемы использовались еще болгарскими мастерами в XII–XIV вв. (Хлебникова, 1988. С. 248; Хованская, 1951. С. 124). Изображения аналогичных казанским разноцветных сапог «жесткой конструкции» с каблуком и без каблука, а также с расшивным орнаментом голенища можно разглядеть в среднеазиатских и ближневосточных миниатюрах XV–XVII вв.

Не менее распространенным видом обуви населения Казани ханского времени являлись *ичиги или ичетыги (читек)* – сапоги из мягкой кожи с мягкими подошвами без каблука, в большей части цельные. Для наибольшей прочности в задник пришивался карман, позднее вставляли кусок шагреновой кожи (Татары, 1967. С. 134–135). Такого рода мягкие сапоги без каблука, выполненные в технике кожаной мозаики и богато орнаментированные, известные по материалам Пазырыкских курганов середины I тыс. до н.э., были распространены еще у населения Горного Алтая (Руденко, 1948. С. 38–42, рис. 20, 21, таб. XXI, 1; 1952. С. 104–106, рис. 46, 47, 49). Некоторые исследователи не без основания считают, что истоки мозаичной обуви татар находятся на Алтае – колыбели тюркских народов (Валеев, 1984. С. 49; Валеева-Сулейманова, 1986. С. 49; 1995. С. 118; Гулова, 1983. С. 5).

В XV–XVI вв. отличием казанских ичетыг от сапог «жесткой конструкции» являлось, видимо, лишь то, что мягкие сапоги шились из тонкой эластичной кожи толщиной не более 1,5–1,7 мм, подошва была однослойной, а задник не

был жестким и много детальным, хотя и укреплялся карманом. По этой причине разрозненные детали сапог и ичетыг различить крайне сложно.

По сохранившимся практически целым и восстанавливаемым формам, а также по отдельным деталям различаются два типа мягких сапог (ичетыг). Отличительной чертой первого типа от второго является наличие дополнительной детали, удлиняющей голенище, длинных поднарядов и тонких пятигранных карманов (прокладок) задника.

Первый тип ичетыг характеризуется наличием следующих основных и дополнительных деталей: головки и поднаряда, удлиненного голенища и обшивки верхнего края (штаферки), задника, переходящего в заднюю половину голенища и кармана, подошвы.

Головки первого типа ичетыг имеют стандартную форму, выкроены из цельного куска мягкой эластичной кожи толщиной 1–1,2 мм, ширина их на 3–3,5 см превышает длину. Раскрой носка с ярко или менее выраженным треугольным вырезом (вогнутый сходящийся симметричный), на подъеме стопы головки имеют вогнутый обрез края, боковины скошенные. Второй тип состоял из основных (головка, голенище, задник, подошва) и дополнительных деталей (поднаряд, штаферка, карман задника со вставками).

Практически на всех головках мягких сапог второго типа, как и на головках сапог «жесткой конструкции», зафиксировано мелкое или широкое тиснение и линование, которые выполняли декоративное и функциональное значение. Кроме прямых линий, встречается и елочное линование. Встречено три головки мягкого сапога второго типа со следами расшивного орнамента. Расшивка на носке производилась, вероятно, цветной нитью. Растительный орнамент декора аналогичен с узорами на других кожаных предметах ханского периода Казани и является типичным для болгаро-татарского искусства (Валеева, 2003. С. 66). Нужно отметить, что единственный фрагмент головки сапога, орнаментированной расшивкой растительным узором в виде трилистника на носке в сочетании с линованием, происходит из слоя XVI в. Московского Зарядья (Дубынин, 1955. рис. 41, 8). По особенностям раскроя, технике выполнения и орнаментальным мотивам он аналогичен казанским находкам ханского периода, и видимо, является продуктом производства казанских мастеров.

Декорирование голенищ ичетыг второго типа встречено в двух случаях (Халиков, 1989. л. 13, 69, рис. 356; Ситдилов, 2005. л. 18). В первом случае расшивка производилась шелковыми нитями, во втором, вероятно, растительными, так как нити не сохранились. Поверхность обоих голенищ полностью покрыта узорами с растительным орнаментом в виде двулистников, трилистников, пальметт, извивающихся листьев и растительных побегов. Орнаментальные мотивы сапог и других принадлежностей русского воина, изображенные на гравюре в «Записках» С. Герберштейна и прослеживаемые на вышеописанных голенищах с территории ханской Казани, практически один в один повторяются узором. О восточных истоках данных узоров свиде-

тельствуют многочисленные находки из металла, камня и других материалов с растительным орнаментом, происходящие из булгаро-татарских памятников. Не вызывает сомнения, что рассматриваемые мягкие сапоги изготовлялись именно казанскими мастерами. Д.К. Валеева считает, что растительный узор на сапогах, изображенных на гравюре С Герберштейна, составлен «из типичных для булгарского искусства изображений тюльпанов, трилистников, двулистников, растительных побегов» (Валеева, 2003. С. 66). По мнению искусствоведов Ф.Х. Валеева и Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой, «при многих общих явлениях с восточным орнаментом орнамент булгар сохраняет свою самобытность и оригинальность, в основе которой лежат устойчивая традиция и местная школа» (Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987. С. 104). «В последующем, в частности, в золотоордынский период растительная тематика булгарского орнамента постепенно определяет весь образный строй художественного языка» (Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987. С. 106).

Чоботы по сложности атрибуции являются менее определяемым видом обуви по сохранившимся деталям, так как шились, как и сапоги, из отдельных деталей и представляли собой сапожки с короткими голенищами. В слоях ханской Казани, обнаружены некоторые характерные детали, свидетельствующие о принадлежности их к рассматриваемой группе обуви.

Башмаки – туфли или сандалии в коллекции средневековой обуви Казани представлены достаточно полно. Судя по размерам отдельных башмачных головок и нескольких женских башмаков, сохранившихся относительно целыми, изготовлялись они для обоих полов населения. Модели данного вида различаются от остальных видов обуви по раскрою деталей, наличию характерных элементов, сборке деталей и оформлению декора. Выделяются четыре типа башмаков по форме раскроя головок, способам сборки и конструктивным особенностям и т.д.

Бахилы определяются только наличием доходящих до колен голенищ. Обувь с голенищем высотой 50 см и более относится к бахилам, т.е. специализированной обуви, которая предназначена для предохранения попадания воды внутрь сапога и во избежание загрязнения штанов. Скорее всего, она использовалась как рабочая обувь в рыбном или ином промысле (Вахрос, 1959. С. 63–65).

Из «ханского» слоя XIII раскопа Казанского кремля происходят бахилы, выкроенные из мягкого кожного листа толщиной 1,2 мм расширяющиеся кверху. Задняя половина имеет прямой обрез верха, у верха передней половины фиксируется полукруглый вырез с отверстиями от сквозного шва по краю, куда, видимо, пришивались ремешки, которыми голенища крепились на ногу выше колен. Высота передней половины достигает 55,8 см, задней – 55,5 см, они соединялись друг с другом тачным швом. К сожалению, не удалось подобрать остальные детали, скорее всего, они имеют раскрой, одинаковый с сапожными.

Кроме деталей взрослых моделей выше рассмотренных видов обуви встречаются и их детские аналоги. В «ханском» слое Казани найдены голенища, подошвы и задник от детской обуви. К сожалению, целых форм детской обуви не обнаружено, однако найденные детали позволяют утверждать, что они, как и взрослые модели, выкраивались многчастными и собирались из нескольких деталей. Следует заметить, что усложнение приемов конструкции и сборка обуви из нескольких деталей, особенно детской, свидетельствует о высоком развитии производства и профессионализме мастеров, выполняющих потребности населения.

Кроме остатков деталей обуви, которые, безусловно, составляют большую часть находок «археологической кожи», из «ханского» слоя происходят другие предметы, представленные как целыми формами, так и фрагментами. Среди них выделяются кожаные предметы, связанные с предметами вооружения (колчаны, саадак, ножны). Сюда же отнесены и чехлы для ножей, которые связаны как с оружием, так и орудием труда.

Колчан – футляр или чехол для стрел представлен одним целым экземпляром колчан и двумя фрагментами, вероятно, также являющиеся деталями одного колчана. Уникальный колчан из XIII раскопа фигурно выкроен и украшен изящной «вышивкой по шнурку в виде сильно стилизованного растительного орнамента и изображением зооморфного существа «Зилант» (Набиуллин, 2004. С. 35). Длина его составляет 54,5 см, ширина в верхней части 26,2 см, в середине – 23,6 см, в нижней – 13,4 см. На тыльной стороне колчана прослежены следы потайного шва от креплений ремня.

Саадак – чехол для лука представлен также одним целым и двумя неполными экземплярами. Целый саадак происходит из раскопа LXIII-Д (исследователь З.Г. Шакиров). Он выкроен из одного куска кожи трапециевидной формы толщиной 1,5 см. Саадак в готовом виде имел треугольную форму длиной более 53 см и шириной вверху 25 см. Края его были украшены зигзагообразным тиснением. В нижней и верхней части имеются следы в виде сквозных нитяных и ремешковых отверстий.

Средневековые изображения колчанов и саадаков, аналогичных найденным в «ханском» слое Казани, можно увидеть в гравюре С. Герберштейна (Герберштейн, 1988. С. 115, рис. 9).

В коллекции археологической кожи из средневековых напластований Казани определенное место занимают чехлы для ножей, ножны (чехлы для кинжалов, сабель, мечей), кошельки, сумки, другие вместилища, а также рукавицы, поясные ремни, широкий спектр разнообразных изделий (229 единицы), атрибуция которых затруднительно вследствие их фрагментарности, плохой сохранности или отсутствия определительных черт и отсутствия аналогий. Вероятно, они относятся к деталям одежды, обуви, снаряжения или другим бытовым изделиям. Кроме того, в коллекции имеются ряд бытовых предметов в единичном экземпляре (завязка, заплатки, обшивка края, плетенка с птичьей костью и т.д.).

Из отложений ханского периода Казани происходят металлические предметы – гвоздики и подковки, которые непосредственно связаны с производством и использованием кожаной обуви.

Заключение. Одна из важнейших отраслей ремесленного производства Казанского ханства, кожевенно-сапожное дело, до последнего времени оставалась практически неисследованной в силу недостаточности источников. К сегодняшнему дню, благодаря широкомасштабным раскопкам, проведенным археологической экспедицией Института истории АН РТ и Казанского государственного университета в 1994–2004 гг., накоплен значительный материал по данной проблеме. В основу данного исследования легли до сих пор не введенные в научный оборот материалы этой экспедиции, а также материалы раскопок Н.Ф. Калинина 1953 г. и А.Х. Халикова 1972–1978 и 1988 гг., проведенных в Казанском кремле и прилегающей к нему посадской территории города. Кроме археологических материалов в нашем исследовании в качестве источников привлечены сведения письменных памятников, данные этнографии, лингвистики и татарского фольклора. В результате мы пришли к следующим основным выводам:

- казанские кожевники середины XV – первой половины XVI вв. активно занимались производством кожи, выделывали шкуры лошадей, мелкого и крупного рогатого скота, получали из них различные сорта высокосортной кожи: юфть, сафьян, булгари, башка и др.;

- выделку кожи производили в основном традиционными, применявшимися еще в кожевенном деле Волжской Булгарии и Золотой Орды операциями, способами, что проявляется в использовании хлебных киселей, квасцов и шакши, а также в материалах дубления, крашения и жирования;

- готовая продукция казанских мастеров по функциональному назначению подразделена на группы или категории: обувь, одежда, бытовые изделия, сопутствующие предметы вооружения, другие изделия, обрезки раскроя и отходы производства. Большую часть находок составляют детали обуви, среди которой выделяется пять видов: сапоги «жесткой конструкции» (итек), мягкие сапоги (ичетыги), полусапожки (чеботы), низкие туфли или галоши (башмаки) и специализированная высокая обувь (бахилы). Наиболее распространенными являлись сапоги «жесткой конструкции», ичетыги обычные и парадные, башмаки;

- из сопутствующих предметов вооружения выделяются колчаны, саадаки, ножны и чехлы для ножей, из бытовых предметов – кошельки, чехлы для ложек, футляры для гребней, сумки, из предметов одежды отмечены рукавицы, ремни и пр., имеющие аналогии как на Западе, в частности, в средневековых русских городах, так и на Востоке – в Средней Азии, Иране и Турции;

- прослежена преемственность в технике и приемах изготовления, формовке и декорировании обуви периода ханской Казани с кожевенно-сапожным ремеслом булгар домонгольского и золотоордынского времени. Для

казанского сапожного производства XV – первой половины XVI вв., как в целом и для булгаро-татарского кожевенно-сапожного дела, характерно изготовление только сложносоставной или многодетальной обуви;

– кожевенное и сапожное ремесло достигло высокого уровня развития и, очевидно, являлось самостоятельной отраслью производства. Высококачественная продукция казанских мастеров составляла важную долю экспорта Казанского ханства в торговле с Московским государством и восточными странами.

Казань в XV – первой половине XVI вв. являлась одним из крупных центров кожевенно-сапожного производства не только в Среднем Поволжье, но и Восточной Европе. Даже после падения столицы ханства и присоединения региона к русскому государству, она быстро вернула свои позиции в производстве и торговле кожевенно-сапожной продукции.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

Валиев Р.Р. Кожевенное дело ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) / Р.Р. Валиев // РА. – 2009. – № 1. – С. 112–124.

Валиев Р.Р. Изготовление и обработка кожи в ханской Казани / Р.Р. Валиев // Уч. зап. Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – Т. 151, кн. 2, ч. 1. – 2009. – С. 44–50.

Публикации в других изданиях:

Валиев Р.Р. Исследования Северной башни и прилегающей к ней стены Казанского кремля (по раскопкам 2003 г.) / Р.Р. Валиев // Сборник материалов итоговых конференций молодых ученых Института истории АН РТ за 2003–2004 г. – Казань, 2004. – С. 39–47.

Валиев Р.Р. Кожевенно-сапожное дело ханской Казани / Р.Р. Валиев // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 1. – Казань, 2009. – С. 33–58.

Шакиров З.Г., Валиев Р.Р. Новые археологические данные об освоении Свияжского острова в эпоху средневековья // Научный Татарстан. – 2009. – № 2. – С. 103–111.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ

Подписано в печать 24.02.2010. Формат 60×84 ¹/₁₆

Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 1,5

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. 292-95-68, 292-18-09